

ДЕКАЛОГ В ТАРГУМЕ НЕОФИТИ I: ЛИТУРГИЧЕСКАЯ РИТОРИКА ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Работа представлена сектором Ближнего Востока СПб ИВ РАН.
Научный руководитель – доктор исторических наук С. М. Якерсон

Статья посвящена изучению древнего жанра религиозной литературы – литургической (богослужбной) риторике. Этот уникальный жанр был обнаружен только в библейской литературе, написанной на древнееврейском языке. В эту древнейшую эпоху формирования израильского монотеизма он имел форму риторики откровения (до VII в. до н.э.). Однако в период трансформации Израиля как этно-религиозной общности после Вавилонского пленения (с 539 г. до н.э.) эта риторическая традиция преобразуется в собственно литургическую риторику. Этот процесс нашел свое отражение в арамейских переводах Пятикнижия – таргумах.

The article dwells upon the study of ancient genre of religious literature – liturgical rhetoric. This unique genre was found only in Biblical literature written in ancient Hebrew. In ancient time of the Israeli monotheism formation, the genre was known as revelation rhetoric (up to VII B.C.). However, in the period of Israel transformation as an ethnic and religious community after Babylonian captivity (since 539 B.C.) this rhetorical tradition was transformed into the liturgical rhetoric in proper sense. This process is reflected in Aramaic translations of the Pentateuch – the so called targums.

Изучение литургической (богослужбной) риторики является важной частью исследования литературы древнего Ближнего Востока. Жанр религиозной проповеди в древности был известен лишь в древнееврейской (библейской) традиции. История литургической риторики была тесно связана с особенностями древнего израильского монотеизма: это была *религия завета* между Богом Яхве и общиной Израиля, и условия этого завета требовали постоянного напоминания о заповедях Бога. Так появилась риторика завета – традиция обра-

щения к общине с проповедью. Д. Патрик определяет библейскую ораторскую традицию как *риторику откровения*¹.

В период Второго Храма (VI в. до н.э. – I в. н.э.) эта риторическая традиция подвергается трансформации: из риторики откровения она превращается в собственно *литургическую* риторику. Этот процесс наиболее выразительно можно проследить на материале основного текста завета – Десяти Заповедей, хорошо известных в мировой культуре как выражение основных нравственных принципов.

Наша статья посвящена анализу парафраза Декалога, написанному на арамейском языке в эпоху поздней античности (I в. н.э.). Этот перевод-парафраз (так называемый *таргум*) отражает процесс трансформации риторики откровения в риторику литургическую. В нашей статье мы ограничимся только анализом *шестой* заповеди Декалога, как особо рельефно представляющей эти изменения. Наш анализ риторической интерпретации этой заповеди основан на одном из вариантов Палестинского таргума, так называемом таргуме Неофити I, датированном I в. н.э.².

Статус Десяти Заповедей в библейской риторике особый: они названы *הברית דברי הדבריה/dibrēy ha-bbərīth* – «слова завета» (Исх. 34:28)³. Это указывало на их особое место в древней израильской литургии и концепции завета. Декалог торжественно читали перед общиной во время ритуала обновления завета, чтобы призвать каждого ее члена к верности законам Яхве (Втор.31:10-13; Ис. Нав. 8:32-35; 2Пар.34:30-31).

Собственно литургическую форму чтение Десяти Заповедей перед общиной обретает уже в эпоху Второго Храма (VI в. до н.э. – I в. н.э.). В *Мишне* – еврейском религиозно-правовом сборнике II века – есть упоминание о том, что Десять Заповедей читались во Втором Храме вместе с молитвой «Шма», то есть во время ежедневных утренних и вечерних жертвоприношений, а также были частью культовых предметов – *тефилин* и

мезузот (Мишна, *Тамид* 5,1; Вавилонский Талмуд, *Берахот* 12a)⁴.

Шестая заповедь: отражение концепции общинной этики. В тексте шестой заповеди, согласно таргуму Неофити I, впервые появляется нечто вроде проклятий завета, которые обнаруживаются нами в Пятикнижии (Втор. 28; Лев. 26). Однако это не проклятия в том смысле, в котором они были представлены в текстах Торы. Скорее, перед нами краткое изложение законов *хэрема* (*חרם/herem*) – взысканий, налагавшихся общиной на согрешивших за то или иное преступление⁵. Во времена Второго Храма (VI в. до н.э. – I н.э.), когда Иудея находилась под властью языческих держав, евреям запрещалось выносить смертный приговор без ведома царского наместника. Это осложняло процедуру хэрема и стало причиной его трансформации: из смертной казни хэрем превратился в систему общественных взысканий, выражавшихся, главным образом, в *изоляциях* человека от общинной и религиозной жизни и выказывании ему презрения.

Интересно отметить, что все остальные пять заповедей *сопровождаются кратким перечислением основных форм хэрема*. Вероятно, поскольку вторая половина Декалога посвящена вопросам отношений между людьми (в данном случае – между членами общины), законы наложения хэрема сопровождают здесь каждую заповедь. Риторическое оформление заповеди тесно связано здесь с функционированием таргума в религиозной общине.

עמי בני ישראל לא תהוון קטולין ולא חברין ולא שותפין עם קטולין

'my bny ysr 'l l' thwwn qtwlyn w-l' hbryn w-l' šwtphyn 'm qtwlyn

ולא יתחמי בכנישתהון דישראל עם קטולין דלא יקומון בניכון מן בתריכון

w-l' ythhmy b-knysthwn d-ysr 'l 'm qtwlyn d-l' yqwmwn bnykhwn mn btrykhwn

וילפון לחוד אינון למיהווי עם קטולין ארום בחובי קטוליה חרבה נפק על עלמא

w-ylphwn lhwd 'ynwn l-myhwwy 'm qtwlyn 'rwm b-hwby qtwlyh hrbh nphq 'l 'lm'

Народ Мой, сыны Израиля! Не убивайте⁶, да не будут убийцы друзьями вашими, и не входите в часть с убийцами, и да не являются убийцы в собрания народа Израиля, чтобы не восстали сыновья ваши после вас и чтобы не научили они [людей] быть единственно (исключительно) народом убийц. Чтобы из-за греха убийства меч не обрушился на мир.

Согласно Мишне, существует четыре вида хэрема. Самый строгий из них (собственно хэрем) предназначался совершившему тяжкое преступление: ему воспрещается всякое общение с людьми, преподавать или даже слушать Тору, его пища должна быть самой скромной, необходимой лишь для поддержания жизни. После его смерти *бет-дин* (בית דין/*bēyth dīn*) кладет камень на его гроб, что должно символизировать побитие его камнями, траур по нем запрещен⁷.

Существовали более мягкие способы взыскания: *ниддуй* (נודוי/*niddūy*), *шамта* (שמחא/*šamtā*), *незифа* (נזיפה/*nəziphā*). Они так-

же подразумевали отстранение виновного от общественной жизни, участия в религиозных ритуалах и выказывание ему порицания общины, но лишь на время⁸. В вавилонской и палестинской традициях они имели разную степень строгости, причем вавилонское законодательство было более мягким⁹.

Интересно подметить, что повторение хэрема следует почти без изменений за каждой последующей заповедью, в то время как содержание проклятия варьируется в зависимости от содержания заповеди. Начиная с шестой все остальные заповеди используют особую форму субстантивного запрета (*l' thwh qtl*):

לֹא תהוּן קְטוּלִין / *l' thwwn qṭwlyn* – «Не будьте убийцами».

לֹא תהוּן גְּיוּרִין / *l' thwwn gywryn* – «Не будьте прелюбодеяями».

לֹא תהוּן גְּנָבִין / *l' thwwn gnbyn* – «Не будьте ворами».

לֹא תהוּן מְשֻׁדָּיִן שְׁהֵי דְשֻׁקָר / *l' thwwn mshdyn shdy d-šqr* – «Не будьте произносящими свидетельство ложное».

לֹא תהוּן חֲמוּדִין / *l' thwwn ḥmwdyn* – «Не будьте завидующими».

Субстантивный запрет (l' thwh qtl) во второй половине Декалога контрастирует с *устранением (l' uhyh l-)* и с *запретной формой* отрицания (*l' yqtl*). Отметим, что древнееврейский текст использует запретную формулу во всех заповедях, в отличие от таргума Неофити I. Очевидно, это связано с характером пяти остальных заповедей: если первая часть Декалога говорит о безусловно соблюдаемых всем Израилем религиозных предписаниях, то

вторая, относящаяся к этике межличностных и внутриобщинных отношений, не может быть подвержена строжайшему контролю и всеобщей дисциплине. Поэтому необходим запрет «быть», который во многом зависит от личного решения человека. В этом случае таргум представляет собой шедевр древней литургической риторики, интерпретирующей Десять Заповедей в контексте еврейской религиозности эпохи Второго Храма¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Patrick D. The Rhetoric of Revelation in the Hebrew Bible. Minneapolis: Fortress Press, 1999. P. 7.

² О дискуссии по поводу датировки таргума Неофити I см.: Macho A. D. The Recently Discovered Palestinian Targum: Its Antiquity and Relationship with the Other Targums // Vetus Testamentum Supplement, 7 (1960). P. 222–244.

³ Выражение «слова завета» используются также для обозначения прощальной речи Моисея (Втор. 29:1,9) а также «книги слов завета», то есть свода законов, читавшихся при обновлении завета народа Израиля с Яхве (4Цар.23:2,3; 2Пар. 34:30,31), и свода законов как таковых (Иерем. 11:2,6; 34:18).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

⁴ Образцы таких культовых предметов были обнаружены в Кумране, а также среди текстов Каирской генизы. См.: *Roitman A. From Dawn to Dusk Among the Qumran Sectarrians // A Day at Qumran. The Dead Sea Sect and Its Scrolls. Jerusalem, 1998. P. 29–30.* А также: *Mann J. HUCA 2 (1925). P. 295, 283.*

⁵ В древности он подразумевал смертную казнь согрешившего и уничтожение его собственности (Лев. 27:21,27-29; Числ. 18:14; Втор. 2:34; 3:6; 7:26; 13:17; Ис. Нав. 7:1-26).

⁶ Буквально: «Не будьте убийцами».

⁷ Мишна. Эдуот, V, 6.

⁸ Мишна. Миддот, II, 2.

⁹ О степени строгости каждой из этих двух видов отлучения, *ниддуй* и *шамта*, мнения комментаторов расходятся. Например, Раши в комментариях к Талмуду говорит, что *шамта* менее строга (Талмуд, Недарим, 7б а также Шаббат 115б).

¹⁰ См.: *Flesher Paul V. The Targumim// Judaism in the Late Antiquity/ Ed. by Jacob Neusner. Part I: The Literary and Archaeological Sources. Leiden; New York; Koln, 1995. P. 43–45.* А также о датировке указанного таргума: *Macho Alechandro D. The Recently Discovered Palestinian Targum: Its Antiquity and Relationship with the Other Targums // Vetus Testamentum Supplement, 7 (1960). P. 222–224.*